

ЭПИГРАММА ЛУКИАНА (Anth. Pal., XI, 212) — КАК АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

«Богам Греции, — писал К. Маркс², — однажды уже трагически равным на смерть «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в „Разговорах“³ Лукиана».

Великий сатирик был непримиримым врагом религиозных и всяких иных суеверий, о чем свидетельствует все его творчество. Острая антихристианская сатира «О смерти Перегринна», «Собрание богов», «Любитель лжи, или Невер», а также многие места других крупных произведений Лукиана убеждают нас в этом.

Среди этих широко известных творений незамеченной оставалась нижеследующая эпиграмма Anth. Pal., XI, 212 — небольшая, но острая сатира, направленная против одного из египетских божеств — Анубиса.

.....

ἀλλὰ σὺ προφέρεις τεχνίων ἄλλοτριον,
τὴν προτομὴν αὐτῷ περιθεῖς κυνός, ὥστε με κάμνειν
πῶς μοι Ζωπυρίων ἐξ Ἐκάβης γέγονεν.
Καὶ πέρας ἔξ δραχμῶν Ἐρασίστρατος ὁ κρεσπωλῆς
ἐκ τῶν Ἰσχυίων θῖόν Ἄνουβιν ἔχω.

¹ Fr. Teggart, Rome and China, 1939, стр. 144; Al. Hermann, Leu-lan, China, Indien und Rom im Lichte der Ausgrabungen am Lobnor, Lpz, 1931, стр. 157.

² К. Маркс, К критике гегелевской философии права, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. I, стр. 389.

³ Маркс имеет в виду «Разговоры богов».

Ты обещал, что сделаешь изображение сына,
 Но ты приносишь чужеземного мальчика,
 Напивав на него морду собаки так, что мне больно подумать,
 Как это мой Зопирион родился от Гекубы?
 Так я, Эрасмстрат, торговец мясом, купил наконец
 За шесть драхм Анубиса — сына из святилищ Исиды [у жрецов Исиды]

Несколько слов о толковании эпиграммы в прошлом.

Еще на рубеже XVIII — XIX вв. Фр. Якобс, составитель первого, хорошо комментированного издания греческой антологии (Лейпциг, 1794 — 1814), извлек эту эпиграмму из рукописи и следующим образом восстановил первую утраченную строку:

[Τεχνίον εὐμορφον, Διόδωρε, γράφειν ἐκέλευσα]

[Filiolum formosum, Diodore, pingere te iussi],

т. е. «Я велел, чтобы ты, Дiodор, нарисовал красивого сынишку». Сам Якобс полагает, что эпиграмма — всего лишь жалоба торговца мясом Эрасмстрата (на художника, который так нарисовал (слову γράφειν оригинала соответствует латинское pingere) и сына Зопириона, что получился Анубис, а не Зопирион¹. В связи с этим дается заголовок эпиграммы «Εἰς ζωγράφους» («На художников»), который, как увидим ниже, отводит сатиру Лукиана в сторону от ее прямого объекта — Анубиса.

Прилагательное ἀλλότριον (асс.) во второй строке эпиграммы звучит в латинском переводе как alienus «чужой». Анубис, по словам Якобса, взят им из святилищ Исиды (ex Isidis sacellis), где повсюду видны изображения этого бога.

Почему же эпиграмма связывает Зопириона именно с Анубисом? Якобс не объясняет этого, так как считает эпиграмму сатирой на художников. Антирелигиозная направленность эпиграммы XI, 212 осталась им незамеченной.

Издатели Палатинской антологии Дюбнер и Куныи, приводя эту же эпиграмму и перевод ее, также показали себя сторонниками интерпретации Якобса².

Известный исследователь Лукиана Диндорф в своем издании произведений писателя³ дает (в латинском переводе) несколько иную реконструкцию первой, утраченной строки эпиграммы:

Pollicitus fili te facturum simulacrum,

т. е. «Ты обещал, что сделаешь изображение сына» — обращение скорее к скульптору, чем к живописцу. Глагол facio, взятый здесь вместо pingo Якобса, прямо указывает на скульптора. Прилагательное ἀλλότριον из второй строки эпиграммы в латинском переводе звучит как alienigenum «чужой», скорее в смысле «чужеземный», что вполне возможно для эпохи II в. н. э., эпохи распространения в странах греко-римского мира различных чужеземных, в частности египетских, религиозных культов.

В последней строке эпиграммы слова ἐκ τῶν Ἴσιδιῶν⁴ переданы по латыни Isidiis, причем последнее слово — с большой буквы, как и в оригинале. Они могут быть переведены: «Из храма Исиды» или «От жрецов Исиды».

Однако и Диндорф умалчивает об антирелигиозной направленности эпиграммы. Между тем эпиграмма XI, 212 представляет собой прямую сатиру на египетского бога.

¹ «Epigrammatum Anthologia Palatina», ed. Dübner et Cougny, т. II, P., 1888, стр. 100 (в примечаниях).

² См. там же.

³ «Luciani Samosatensis opera», P., 1884 (в одном томе).

⁴ Рукописное чтение Ἴσιων представляет, вероятно, стяженную форму от Ἴσι[ι]ων. Τὰ Ἴσιεῖα или τὰ Ἴσι[ι]εῖα — храм или праздник Исиды.

Анубиса. Это вполне возможно еще и потому, что эпитаграмма — не единственное произведение Лукиана, где Анубис изображен сатирически. В диалоге «Продажа жизней»¹ Сократ клянется собакой, а на вопрос удивленного покупателя отвечает: «Что ты! Ты не веришь, что собака — бог? А ты разве не видишь, в каком почете Анубис в Египте?» В «Зевсе трагическом»² Анубис и другие языческие боги, по мнению Лукиана, представляют ценность только потому, что сделаны пелтиком из золота. Еще одно свидетельство религиозного скептицизма Лукиана по отношению к тому же Анубису имеется в произведении «Разговоры в царстве мертвых» (№ 13, Диоген и Александр)³. И, наконец, в «Собрании богов» писатель, устами Мома, так характеризует Анубиса: «Ты же, египтянин, с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — кто ты таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом?»⁴. Попутно упоминается и Апису и другим чудовищным египетским богам.

«Заставить улыбнуться над богом Аписом, — говорил Герцен⁵, — значит расстричь его из священного сана в простые быки». Лукиан в эпитаграмме сделал то же с Анубисом. Насмешливым отношением к изображению мальчика, сына Эрасистрата, в виде Анубиса (такое изображение должно было означать, что умерший сын Эрасистрата находится под покровительством этого бога) Лукиан еще раз развенчивает Анубиса, а одновременно затрагивает и Изиду, с культом которой был тесно связан культ Анубиса, и Гекубу. Чрезвычайно показательно в эпитаграмме смешение мифологических представлений о Гекубе⁶ и ее превращении в собаку с пережитками тотемистических представлений египетской религии.

Итак, несомненно, что Лукиан, великий сатирик и атеист, выступил здесь прежде всего против культа Анубиса и других восточных божеств. Обращение к художнику, которое мы можем признать как вероятное, поскольку первая строка эпитаграммы не сохранилась, — лишь повод для прямой антирелигиозной сатиры, вполне закономерной для писателя, который высмеивал «поклонников Юпитера не меньше, чем поклонников Христа»⁷.